

А.С. Лаппо-Данилевский

**Очерк истории образования
главнейших разрядов
крестьянского населения в
России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

A11 **А.С. Лаппо-Данилевский**
Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения
в России / А.С. Лаппо-Данилевский – М.: Книга по Требованию, 2021. –
174 с.

ISBN 978-5-4241-8269-3

ISBN 978-5-4241-8269-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи.

Въ виду того состоянія, въ которомъ находятся источники и литература предмета, трудно въ настоящее время вполне удовлетворительно выяснитъ, какъ сложились главные классы русскихъ крестьянъ и какимъ образомъ они приобрѣли сословное значеніе. Многіе источники по исторіи русскихъ крестьянъ, конечно, утрачены; многіе остаются въ рукописяхъ и только часть ихъ, да и то довольно случайно подобранная, извѣстна въ печати; отсюда пробѣлы въ нашихъ свѣдѣніяхъ даже о важнѣйшихъ явленіяхъ русской крестьянской жизни въ ея прошломъ и отрывочность послѣдующаго изложенія: въ немъ часто вмѣсто общихъ выводовъ приходится прибѣгать къ отдѣльнымъ примѣрамъ; послѣдніе, впрочемъ, по возможности, приводятся лишь въ качествѣ иллюстрацій, а не исключительныхъ случаевъ. Плохимъ состояніемъ археографіи предмета отчасти объясняются и тѣ разногласія, которыя обнаруживаются въ его литературѣ: изслѣдователи исторіи крестьянъ сильно расходятся въ научномъ объясненіи такихъ крупныхъ явленій, какъ возникновеніе крестьянской общины, прикрѣпленіе крестьянъ, и другихъ ¹⁾. При существованіи столь разнорѣчивыхъ и даже противоположныхъ сужденій казалось желательнымъ вве-

---

¹⁾ Указанія на главнѣйшіе источники можно найти въ дальнѣйшихъ ссылкахъ; свѣдѣнія о библиографіи по исторіи крестьянъ и литературѣ см. въ соч. *М. Ф. Владимірскаго — Буданова*, Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 3 (К., 1900 г.), стр. 5—9, 11, 109 и др. и въ соч. *В. И. Семевскаго*, Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II, т. I, изд. 2 (Спб. 1903 г.), стр. 626—637; ср. также нижеслѣдующія примѣчанія; тамъ указаны и разногласія ученыхъ по важнѣйшимъ вопросамъ.

сти въ текстѣ наиболѣе характерныя свидѣтельства источниковъ, говорящихъ въ пользу того, а не иного мнѣнія; слѣдуетъ замѣтить, однако, что въ случаяхъ подобнаго рода предлагаемые выводы, разумѣется, никакъ нельзя считать окончательными.

При такихъ условіяхъ авторъ былъ лишень возможности припяться за исполненіе поставленной себѣ задачи въ полномъ ея объемѣ. Прежде всего ему пришлось ограничить область своихъ наблюденій, за исключеніемъ развѣ древнѣйшаго періода, преимущественно исторіей великорусскихъ крестьянъ, получившей наибольшее значеніе въ послѣдующей нашей исторіи и всего болѣе разработанной въ нашей археографіи и исторической литературѣ: дажѣ ему было ясно, что главнѣйшіе процессы, вообще характеризующіе исторію русскаго крестьянства, лучше всего отразились въ судьбѣ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, и что, слѣдовательно, удобно сосредоточить изложеніе на исторіи ихъ; наконецъ, ему казалось, что подробное изложеніе бытовой исторіи великорусскихъ крестьянъ едва ли будетъ соответствовать основной цѣли настоящаго труда и что ее слѣдуетъ имѣть въ виду, главнымъ образомъ лишь по столько, по сколько бытовые условія оказывали вліяніе на образованіе важнѣйшихъ разновидностей крестьянскаго состоянія.

Въ предлагаемомъ очеркѣ древнѣйшій періодъ исторіи сельскаго населенія принятъ во вниманіе только для того, чтобы въ извѣстной мѣрѣ соблюсти требованія исторической перспективы: въ немъ уже можно указать зародыши нѣсколькихъ явленій, аналогичныхъ съ тѣми, которыя характеризуютъ исторію крестьянъ въ позднѣйшее время. Послѣднее естественно распадается на два періода: до окончательнаго образованія тѣхъ группъ населенія, которыя съ теченіемъ времени получили наименованіе государственныхъ и крѣпостныхъ, или помѣщичьихъ крестьянъ, и послѣ образованія ихъ; болѣе ранній періодъ обнимаетъ, преимущественно, время съ XIV-го до XVIII-го вѣка; болѣе поздній—послѣдующее время до первыхъ попытокъ крестьянскаго освобожденія въ началѣ XIX го столѣтія.

I. Важнѣйшіе классы сельскаго населенія въ древней Руси.

Въ древнѣйшее время славяне, повидному, довольно мягко обращались съ своими рабами. Въ самомъ дѣлѣ, судя по византійскимъ извѣстіямъ конца VI-го вѣка, задупайскіе славяне не держали плѣнныхъ въ вѣчномъ рабствѣ, но, по истеченіи извѣст-

Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи.

Въ виду того состоянія, въ которомъ находятся источники и литература предмета, трудно въ настоящее время вполне удовлетворительно выяснитъ, какъ сложились главные классы русскихъ крестьянъ и какимъ образомъ они приобрѣли сословное значеніе. Многіе источники по исторіи русскихъ крестьянъ, конечно, утрачены; многіе остаются въ рукописяхъ и только часть ихъ, да и то довольно случайно подобранная, извѣстна въ печати; отсюда пробѣлы въ нашихъ свѣдѣніяхъ даже о важнѣйшихъ явленіяхъ русской крестьянской жизни въ ея прошломъ и отрывочность послѣдующаго изложенія: въ немъ часто вмѣсто общихъ выводовъ приходится прибѣгать къ отдѣльнымъ примѣрамъ; послѣдніе, впрочемъ, по возможности, приводятся лишь въ качествѣ иллюстрацій, а не исключительныхъ случаевъ. Плохимъ состояніемъ археографіи предмета отчасти объясняются и тѣ разногласія, которыя обнаруживаются въ его литературѣ: послѣдователи исторіи крестьянъ сильно расходятся въ научномъ объясненіи такихъ крупныхъ явленій, какъ возникновеніе крестьянской общины, прикрѣпленіе крестьянъ, и другихъ ¹⁾. При существованіи столь разнорѣчивыхъ и даже противоположныхъ сужденій казалось желательнымъ ве-

¹⁾ Указанія на главнѣйшіе источники можно найти въ дальнѣйшихъ ссылкахъ; свѣдѣнія о библиографіи по исторіи крестьянъ и литературѣ см. въ соч. *М. Ф. Владимірскаго — Будаговскаго*, Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 3 (К., 1900 г.), стр. 5—9, 11, 109 и др. и въ соч. *В. И. Смирнскаго*, Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II, т. 1, изд. 2 (Спб. 1903 г.), стр. 626—637; ср. также нижеслѣдующія примѣчанія; тамъ указаны и разногласія ученыхъ по важнѣйшимъ вопросамъ.

сти въ текстъ наиболѣе характерныя свидѣтельства источниковъ, говорящихъ въ пользу того, а не иного мнѣнія; слѣдуетъ замѣтить, однако, что въ случаяхъ подобнаго рода предлагаемые выводы, разумѣется, никакъ нельзя считать окончательными.

При такихъ условіяхъ авторъ былъ лишенъ возможности приняться за исполненіе поставленной себѣ задачи въ полномъ ея объемѣ. Прежде всего ему пришлось ограничить область своихъ наблюденій, за исключеніемъ развѣ древнѣйшаго періода, преимущественно исторіей великорусскихъ крестьянъ, получившей наибольшее значеніе въ послѣдующей нашей исторіи и всего болѣе разработанной въ нашей археографіи и исторической литературѣ: далѣе ему было ясно, что главнѣйшіе процессы, вообще характеризующіе исторію русскаго крестьянства, лучше всего отразились въ судьбѣ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, и что, слѣдовательно, удобно сосредоточить изложеніе на исторіи ихъ; наконецъ, ему казалось, что подробное изложеніе бытовой исторіи великорусскихъ крестьянъ едва ли будетъ соответствовать основной цѣли настоящаго труда и что ее слѣдуетъ имѣть въ виду, главнымъ образомъ лишь по столько, по сколько бытовые условія оказывали вліяніе на образованіе важнѣйшихъ разновидностей крестьянскаго состоянія.

Въ предлагаемомъ очеркѣ древнѣйшій періодъ исторіи сельскаго населенія принятъ во вниманіе только для того, чтобы въ извѣстной мѣрѣ соблюсти требованія исторической перспективы: въ немъ уже можно указать зародыши нѣсколькихъ явленій, аналогичныхъ съ тѣми, которыя характеризуютъ исторію крестьянъ въ позднѣйшее время. Послѣднее естественно распадается на два періода: до окончательнаго образованія тѣхъ группъ населенія, которыя съ теченіемъ времени получили наименованіе государственныхъ и крѣпостныхъ, или помѣщичьихъ крестьянъ, и послѣ образованія ихъ; болѣе ранній періодъ обнимаетъ, преимущественно, время съ XIV-го до XVIII-го вѣка; болѣе поздній—послѣдующее время до первыхъ попытокъ крестьянскаго освобожденія въ началѣ XIX го столѣтія.

I. Важнѣйшіе классы сельскаго населенія въ древней Руси.

Въ древнѣйшее время славяне, повидимому, довольно мягко обращались съ своими рабами. Въ самомъ дѣлѣ, судя по византійскимъ извѣстіямъ конца VI-го вѣка, задунайскіе славяне не держали плѣнныхъ въ вѣчномъ рабствѣ, но, по истеченіи извѣст-

наго срока, предоставляли имъ возможность или возвратиться къ своимъ, давши окупъ, или остаться въ странѣ побѣдителей, но въ качествѣ людей вольныхъ: „руссы“, по свидѣтельству одного изъ арабскихъ писателей IX—X вв., также хорошо обращались со своими рабами.

Въ русскомъ обществѣ варяжскаго періода рабство уже успѣло однако, значительно развиться: Русская Правда вообще признаетъ раба объектомъ, а не субъектомъ правъ. Впрочемъ, въ томъ же сборникѣ можно указать нѣсколько отступленій отъ вышеуказаннаго принципа. Въ числѣ обстоятельствъ, вызвавшихъ ихъ, стѣдуетъ упомянуть о тѣхъ новыхъ культурныхъ началахъ, съ которыми русскіе люди стали знакомиться во время появленія первоначальной редакціи Русской Правды: институтъ рабства, можетъ быть, не успѣлъ достигнуть полного своего развитія на русской почвѣ послѣ того, какъ здѣсь стало распространяться христіанское ученіе. Вѣроятно, подъ вліяніемъ христіанскаго міровоззрѣнія и благодаря воздѣйствію церкви, рабство въ древней Руси стало смягчаться: представители ея возставали противъ порабощенія свободныхъ людей и могли оказать вліяніе на появленіе въ позднѣйшихъ редакціяхъ Русской Правды нѣсколькихъ статей, частью ограничивавшихъ источники рабства, частью устанавливавшихъ нѣкоторые способы прекращенія рабской зависимости²⁾. Итакъ, слѣшкомъ малая опредѣленность общественныхъ отношеній и только-что указанныя новыя болѣе культурныя условія русской жизни благоприятствовали вмѣстѣ съ тѣмъ зарожденію или развитію въ русскомъ обществѣ цѣлаго ряда переходныхъ состояній, вопреки суровой формулѣ Прохирона, сложивавшихъ границы между полными холопами и свободнымъ населеніемъ. Благодаря существованію такихъ переходныхъ ступеней, человѣкъ, терпявшій свободу, могъ превратиться въ полусвободнаго, а не полнаго холопа; но тѣмъ самымъ, съ теченіемъ времени, стало возможнымъ и превращеніе свободнаго крестьянина въ крѣпостнаго человѣка, процессъ, столь пагубно отразившійся на крестьянской волѣ XVI—XVII вв.

---

¹⁾ G. Krek, Einleitung in die Geschichte der slavischen Literatur, 2-tes Aufl. ss. 361, 364: само собою разумѣется, что, на основаніи свидѣтельства Маврикія, нельзя еще говорить о какихъ либо прирожденныхъ свойствахъ славянскаго племени: аналогичное положеніе рабовъ замѣчается и у другихъ мало развитыхъ народовъ. см., напримѣръ, J. Ingram, History of slavery. Ld., 1895, pp. 257, 260, 271.

²⁾ А. Хвольсонъ, Изв. о Хазарахъ и пр. Спб. 1869 г., гл. VI, § 5 (Нобль-Дагста). Таковы, напримѣръ, Кирилль Туровскій, пр. Серапіонъ и др. Ср. А. Щенковъ, Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей, Каз., 1850.

Неопредѣленность древнерусскаго общественнаго строя обнаруживалась и въ отношеніяхъ разнообразныхъ свободныхъ состояній другъ къ другу. Дѣйствительно, изъ изученія терминологіи, уже въ древности служившей для обозначенія сельскаго населенія, можно вынести впечатлѣніе, что низшій слой свободного русскаго общества, получившій названіе крестьянъ, долго не представлялъ рѣзко обособленной сословной группы и что обособленіе его въ значительной мѣрѣ вызвано было позднѣйшей фискальной политикой русскаго правительства.

Въ каждомъ родовомъ или семейномъ союзѣ младшіе члены его естественно противопоставляются старшимъ; младшіе должны пользоваться меньшимъ значеніемъ, чѣмъ старшіе; въ одной русинской пѣснѣ, напримѣръ, мы читаемъ, какъ „старые люди уснмъ судили“, а „парубочки въ войску служили“. Можно полагать, однако, что родовою бытъ стать разлагаться у русскихъ славянъ, пожалуй, на самой зарѣ ихъ исторіи, частью въ силу внутренняго процесса развитія, частью благодаря колонизаціи и передвиженіямъ населенія, ускорившимъ его ходъ: уже въ древнее время вмѣстѣ съ возрастомъ, да и помимо него, общественное положеніе лица стало, повидимому, опредѣляться фактическими его преимуществами передъ другими: „меньшимъ“ стали называть не только челоуѣка младшаго по возрасту, но, во многихъ случаяхъ, и менѣе значительнаго, главнымъ образомъ, по имуществу. Такая терминологія, по всей вѣроятности въ томъ же смыслѣ, стала вообще примѣняться и къ обозначенію низшаго класса свободного сельскаго населенія. Этотъ выводъ легко сдѣлать путемъ сопоставленія терминовъ: „мужъ“ и „мужикъ“. Въ противоположность „хоропамъ“ и въ широкомъ смыслѣ еще Русская Правда называетъ все свободное населеніе „мужами“; естественно было низшій слой „мужей“ называть „меньшими“ мужами или „мужиками“. Названіе, и теперь еще часто употребляемое нами, когда мы говоримъ о крестьянахъ, какъ видно, содержитъ остатки глубокой старины: въ немъ отразилась безсословность русскаго общества древнѣйшаго времени ¹⁾.

Аналогичный выводъ можно сдѣлать и относительно термина: „крестьяне“. Въ старинныхъ памятникахъ они еще называются „христіанами“ ²⁾. Русскимъ колонистамъ, а, при народномъ характерѣ русской колонизаціи, таковыми были болышею частью

¹⁾ Слово „мужики“ уже встрѣчается въ старинныхъ памятникахъ, напр. въ П. С. Р. Л., VIII, 159 п 161; въ Никон. лѣт. подъ 7064 г. оно употреблено, кажется, для обозначенія населенія, подвластнаго кормленщикамъ (П. С. Р. Л., XIII, 267).

²⁾ А. Э., т. I, № 11 (1391 г.).

люди изъ низшаго слоя общества, часто приходилось сталкиваться съ мѣстнымъ населеніемъ и естественно было противопоставлять себя, въ качествѣ „христіанъ“—прихожанъ, язычникамъ и иповѣрцамъ. Первоначальное значеніе слова „крестыяннѣ“, какъ видно, также лишено сословнаго значенія и только съ теченіемъ времени приобрѣло специальныйъ смыслъ для обозначенія особаго класса, тѣлѣя обязанности котораго были строго опредѣлены московскимъ законодательствомъ ¹⁾).

Даже слово „смердь“ употребляется еще въ Русской Правдѣ то въ самомъ широкомъ смыслѣ, когда рѣчь идетъ чуть ли не о всемъ населеніи въ противоположность князю, то въ узкомъ для обозначенія сельскаго населенія, занимающагося земледѣліемъ; по слово „смердь“, кажется—чаще вышеприведенныхъ терминовъ, получало постѣдній смыслъ: въ нѣкоторыхъ памятникахъ XII-го вѣка оно уже означаетъ мирнаго обывателя, человека живущаго въ „селѣ“ и занимающагося воздѣлываніемъ земли ²⁾; надо думать, однако, что земледѣліе было только общимъ признакомъ положенія смерда, а не его специальнымъ или исключительнымъ занятіемъ.

Въ бытовомъ отношеніи положеніе смердовъ, вѣроятно, нѣсколько опредѣлялось прежде всего путемъ противоположенія ихъ, вмѣстѣ съ остальными мирными жителями, дружинѣ княжеской; оно встрѣчается въ древнихъ нашихъ памятникахъ. Къ такому естественному противопоставленію „людей“—„дружинѣ“ по занятіямъ стало присоединяться и особаго рода правовое различіе между „люднымъ“, т. е. простолюдиномъ и „княжимъ мужемъ“, отразившееся въ законодательствѣ того времени: судя по пространной редакціи Русской Правды, при извѣстныхъ условіяхъ за „убійство въ разбоѣ“ людина платили виру вдвое меньше, чѣмъ за такое же преступленіе по отношенію къ „мужу“, служившему князю ³⁾. Слѣдуетъ замѣтить, что фактическое различіе между „люднымъ“, предававшимся сельскимъ занятіямъ, и людномъ горожанномъ стало также нѣсколько рѣзче обозначаться по мѣрѣ развитія народнаго хозяйства, поскольку оно связано было съ раз-

¹⁾ Слово „крестыяннѣ“ употреблено въ грамотѣ иг. Антонія монастырю, основанному имъ до 1147 года, въ слѣдующихъ фразахъ: „И паша по чужой земль ни в двоє, ни во едино, ни себя покоя не дахъ, брати и сиротамъ и азъ крестыянамъ досаждая... Се поручаю Богу и Святой Богородицѣ и крестыянамъ и даю въ свободу и поручаю мѣсто се на игуменство...“ (Ажросій, Ист. рос. Іерархіи, III, 124; грамота извѣстна только въ копіи); болѣе опредѣленное словоупотребленіе въ грамотахъ XIV в. см. въ А. Э., т. I, № 11 А. от. до Ю. В., т. II, № 134; ср. ниже.

²⁾ Слова „(διδωτος, γεωργός“ передаются въ старинныхъ переводахъ словомъ „смердь“; Тѣт. по Лавр. сп. 6611 (изд. 2, стр. 267). Рус. Ист. Библ. VI, 47.

³⁾ Рус. Пр., Тр., 3.

внѣмъ городской жизни, а главнымъ образомъ вышней торговли. У Тиверцевъ и Удучей были многіе „грады“; они существовали и у повгородскихъ славянъ и у полянъ до призванія Варяговъ; Олегъ на пути своемъ изъ Новгорода въ Кіевъ встрѣтилъ по крайней мѣрѣ два города: Смоленскъ и Любечъ; у Древлянъ также упоминаются города, причѣмъ въ одномъ изъ нихъ, Коростенѣ, вѣроятно, были жилые дворы: слѣдовательно, въ то время „градомъ“ уже называли не одно укрѣпленное, но и заселенное мѣсто. Въ теченіе X—XIII вв. возникло много новыхъ городовъ. Хотя рѣзкой и постоянной разницы между сельскимъ и городскимъ населеніемъ по занятіямъ, конечно, не существовало, однако, надо думать, сельскіе жители все же нѣсколько отличались отъ городскихъ, что могло особенно ярко обнаруживаться при сравненіи смерда-земледѣльца съ гостемъ, торговавшимъ заморскими товарами: впрочемъ, даже фактическое различіе подобнаго рода нельзя признать общераспространеннымъ: жители древлянскихъ „градовъ“, напримѣръ, также „дѣлали земли и пшвы своя“, а въ смоленскомъ княжествѣ были торговныя поселенія, не причисленныя къ „городамъ“. Естественно, что при такихъ условіяхъ между сельскимъ и городскимъ населеніемъ юридическія грани были также слабо устоявлены: въ одномъ изъ списковъ Русской Правды упоминаются „горожане“, но они не обособлены отъ остальной массы „людей“. Тѣмъ не менѣе между сельскими и городскими жителями можно замѣтить нѣкоторое фактическое различіе въ ихъ политическомъ значеніи; судя по тому, что мы знаемъ о составѣ вѣча въ вѣчевыхъ общинахъ, на немъ едва ли часто присутствовали смерды¹⁾; въ дѣйствительности на вѣча, вѣроятно, сходились преимущественно горожане. Дѣло о „смердахъ“, возникшее въ Псковѣ въ 1485—1486 гг., повидному, было также рѣшено помимо участія ихъ въ рѣшеніи. Даже пригороды должны были принимать то, что „старѣйшіи сдумаютъ“. Итакъ, въ бытовомъ отношеніи смерда-земледѣльца въ XII—XIII вв., вѣроятно, уже стали нѣсколько обособляться отъ остальныхъ слоевъ свободнаго и мирнаго населенія, а законъ начинать уже проводить черту между всѣми „людьми“ и дружинниками.

Тѣмъ не менѣе Русская Правда признаетъ за смердомъ права, присущія свободному человѣку: можно думать, что за убійство смерда взымалась вира: смерда никто не могъ наказывать „безъ княжа слова“; у смерда было и свое собственное имущество (статокъ). Подъ 1103 годомъ въ нашей лѣтописи записаны слѣ-

---

¹⁾ П. С. Р. Л., VIII, 159 и 161.

дующія слова, сказанныя Владиміромъ Мономахомъ совѣпникамъ: „А сего чему не промыслите, оже то начнетъ орати смердь и прѣхавъ половчинъ ударить ѿ стрѣлю, а лошадь его поиметь, а, въ село его ѣхавъ, жену его, и дѣти его, и все имѣнье“; подь „селою“ смерда слѣдуетъ, вѣроятно, разумѣть вообще занятый имъ земельный участокъ съ дворомъ и принадлежностями его хозяйства, „имѣнія“, его усадьбу, хуторъ или что нибудь подобное. Вопросъ о томъ, на какомъ правѣ, однако, смердь владѣть такимъ участкомъ, рѣшить трудно. Возможно, что смердь занималъ иногда пустопорожнюю землю, считая её „ничьею“, т. е. никому не принадлежащей, осваивалъ ее и обзаводился на ней своимъ хозяйствомъ; отъ нѣсколькихъ позднѣйшаго времени (XIV-го вѣка?) сохранилась купчая, заключенная между Михаиломъ Вахрамѣевичемъ и Игнатіемъ Вахрамѣевичемъ съ Филькой, да Родькой, да Онанькой Григорьевичами, которые продали два „жеребья“ съ угодьями покупателямъ „одерень“; въ грамотѣ значится, что Вахрамѣевичи купили эти земли „у великихъ смердовъ у Григорьевичей... въ вѣкъ“, причемъ сдѣлка была утверждена, повидимому, какимъ-то должностнымъ лицомъ ¹⁾; но князьямъ легко и выгодно было не различать такихъ крестьянъ своеземцевъ отъ крестьянъ, сидѣвшихъ на ихъ земляхъ, когда между тѣми и другими не было фактическихъ различій, и когда и тѣ и другіе были ихъ подданными. Вѣроятно, однако, что нѣкоторые смерды, дѣйствительно, селились и на княжескихъ земляхъ, изъ которыхъ собственно дворцовыя села въ то время едва ли выдѣлялись. Наконецъ, точныхъ свидѣтельствъ о томъ, что смерды сидѣли и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, не сохранилось. Какъ бы то ни было, Русская Правда признаетъ за смердомъ личныя и имущественныя права, присущія свободному человѣку ²⁾. Соответственно имъ онъ отправляетъ и нѣкоторыя обязанности:

---

¹⁾ А. Ю., № 71. XXI. А. Шахматовъ, Двинскія грамоты. Спб., 1903 г. № 33; авторъ полагаетъ, что подь „великими смердами“, слѣдуетъ разумѣть смердовъ, жившихъ въ мѣстности „Великой“.

²⁾ Въ краткомъ спискѣ Русской Правды упоминается „сельскій староста „княжий“ (ак. 22); о правахъ смердовъ см. главнымъ образомъ Рус. Пр. Ак. 23, 31; Тр. 40, 41, 71, 85. Слово „статокъ“, (о смерды статкъ—въ нѣкоторыхъ спискахъ XV—XVI вв. Русской Правды см. *Н. Калачовъ*, стр. 165) употреблено для обозначенія движимаго имущества; но, по крайней мѣрѣ, въ памятникахъ XVI вѣка и притомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о наследствѣ, ему придается и болѣе широкое значеніе, напримѣръ: „отступились есмь земли... отца своего статка, а своего владѣнія“... (Отступная 7067 года въ А. Ю., № 23). Въ нѣкоторыхъ спискахъ Русской Правды, въ статьѣ „о посѣченіи борги“, прибавлено: „а въ смерди 2 гривны“ (Рус. Пр., Рост. 30; Тат.—Пог. 26; см. *Н. Калачовъ*, стр. 195).

дѣтписи повѣствуютъ о томъ, что смерды принимали участіе въ военныхъ походахъ и что они платили дань князьямъ; кромѣ того въ договорахъ Новгородцевъ съ князьями есть статья, въ силу которой „кто смердъ, тотъ потягнеть въ свой погостъ“ или „потугъ“¹⁾.

Подобныя или соответствующія организаціи, вѣроятно, существовали и въ другихъ мѣстахъ, хотя нѣтъ повѣстій о томъ, чтобы въ нихъ принимали участіе именно смерды. Въ составѣ „сотенъ“, напримѣръ, можетъ быть, входили и крестьяне, но краѣней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые тянули къ городу: въ 1289 году берестыяне за крамолу противъ князя были обложены разными натуральными сборами „со всякаго ста“, причемъ „горожане“ упомянуты особо и платили деньгами: сотни въ Галичской Руси отличались, повидному, такимъ же смѣшаннымъ составомъ: здѣсь онѣ состояли изъ крестьянъ и мѣщанъ и отвѣчали, въ силу круговой поруки, за каждаго своего сочлена. Возможно, что древне-русскія сотни съ сотскими и десятскими во главѣ, подобно берестыянамъ, служили для огульнаго оклада ихъ разными повинностями и сборами и стали даже первообразами сотенъ, удержавшихся въ нѣсколько позднѣйшее время въ Галичской Руси. Столь же скудны и древнія повѣстія о „верви“, о ея происхожденіи, составѣ, организаціи и пр. Въ источникахъ нѣтъ указаній, состояла-ли вервь изъ нѣкельскихъ деревень, подобно позднѣйшей копѣ, или складывалась какъ-нибудь иначе. Про вервь мы знаемъ только то, что въ ея предѣлахъ можно было розыскивать трупъ убитаго и „по ней искать татя“ и что съ нея въ повѣстныхъ случаяхъ взыскивались уголовные штрафы (дикая вира, пролажа): члены „верви“, надо думать, состояли по такимъ дѣламъ въ круговой поруцѣ: тотъ, кто не соглашался вмѣстѣ съ остальными членами „верви“ платить „виру“, лишался помощи ихъ и самъ долженъ былъ платить ее²⁾. Случайныя упоминанія о „сельскомъ старостѣ“ показываютъ, что въ сельской общинѣ того времени могли быть и свои, вѣроятно, выборныя мірскія власти: во главѣ галицко-русскихъ общинъ XV столѣтія также стоятъ „тѣишъ“, выбираемый ея сочленами³⁾.

¹⁾ Новгород. лѣт. по синед. сп. 6677 и 6737 гг. (изд. 2, стр. 149 и 230; ср. стр. 129). Лѣт. по Ипат. сп. 6753 г. (изд. 2, 529). Собр. гос. гр. в дог., 1, №№ 3, 13, 20. А. З., т. 1, № 87.

²⁾ Рус. Пр., Тр., 3, 4, 6, 63.

³⁾ Лѣт. по Ипат. сп., изд. 2, стр. 613; ср. А. З., т. 1, № 13 II. *Личностно*, Черты изъ исторіи сословій въ Югозападной (Галицкой) Руси XIV—XV вв., М., 1894 г., стр. 107—118, 166; о копѣ см. II. *Поинишесъ*, Собр. соч., 247, 262 и др.